

P. Gueniffey. LE DIX-HUIT BRUMAIRE: L'EPILOGUE DE LA REVOLUTION FRANÇAISE. 9–10 NOVEMBRE 1799. Paris: Gallimard, 2008, 422 p.

П. Гениффе. ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА: ЭПИЛОГ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 9–10 ноября 1799. Париж, 2008, 422 с.

Государственный переворот 18 брюмера VIII года Французской республики (9 ноября 1799 г.) не является "забытым" событием во французской историографии. Ему посвящены и посвящаются монографии, статьи, эссе, научные доклады. Ведь именно оно открывает наполеоновскую эпопею, на полтора десятилетия взбудоражившую всю Европу, не говоря уже о самой Франции, до сих пор не освободившейся от "наполеоновского наследия", и существенно перекроившую европейскую карту.

В монографии доктора исторических наук, профессора Высшей школы социальных наук (Париж) П. Гениффе, известного в России своей книгой "Политика революционного террора. 1789–1794" (М.: УРСС, 2003)¹ события 18 брюмера оцениваются не столько как начало одной эпопеи, сколько как завершение другой, не менее значительной и не менее противоречивой, – Французской революции, изменившей не столько карту, сколько умы Европы настолько, что после нее уже ничто не было и не могло быть "как раньше". 18 брюмера, утверждает французский историк, не пролог, а эпилог, окончание поиска новой стабильной системы правления для Франции, чего не добились ни Комитет общественного спасения в 1793–1794 гг., ни Директория в 1795–1799 гг. О том, как и почему Наполеону Бонапарту удалось "завершить Революцию", и повествуется в книге.

С самого начала повествования читатель погружается в беспоконную атмосферу дня 18 брюмера, начавшегося с отставок членов Директории, что положило конец существо-

ванию последнего из республиканских исполнительных органов. И только затем, в последующих главах, шаг за шагом раскрывается путь, который проделал "заговорщик" Бонапарт на пути к этому знаменательному для него и Республики дню. Таким образом, за исключением первой, своего рода вводной, главы, монография структурирована в соответствии с хронологическим принципом.

Периоду Директории (1795–1799) и тому, как Бонапарт стал одним из наиболее выдающихся генералов Республики, посвящены II–VI главы монографии. Относительная легкость прихода Бонапарта к власти кроется, по мнению французского историка, именно в том, что происходило во французском обществе за эти пять лет. После кровавых 1793 и 1794 гг. общественное мнение стало все больше склоняться в сторону умеренного крыла конституционных монархистов, набравших почти 70% голосов на выборах в Законодательный корпус в 1797 г. Впрочем, сами монархисты столкнулись с непростым выбором. Их надежды на восстановление монархии в лице юного сына казненного в 1793 г. Людовика XVI рухнули со смертью мальчика в тюрьме Тамплль 8 июня 1795 г. Теперь претендентом на престол стал брат Людовика XVI, Людовик XVIII, открыто демонстрировавший неготовность примириться с Революцией. Монархистское крыло оказалось перед дилеммой: либо пожертвовать здравым смыслом и встать под знамена Людовика XVIII, либо пожертвовать монархией и под прикрытием республиканской формы правления установить монархическую власть. В таком контексте приход Бонапарта, своего рода "республиканского монарха", оказался весьма кстати.

Что до самого генерала, то победоносная итальянская кампания, положившая начало

¹ См. об этой книге: *Блуменау С.Ф.* Французский историк о механизмах террора во время революции. – Новая и новейшая история, 2006, № 3, с. 126–132.

перекраиванию им европейской карты, выявила его политические амбиции и нежелание подчиняться приказам Директории. Именно тогда, весной 1796 г., Бонапарт понял, что может навязывать свое мнение директорам, а они, в свою очередь, осознали, что окажутся перед лицом опасного противника, пожелай Бонапарт заняться политикой. П. Гениффе идет еще дальше, заявляя, что уже в 1797 г. Бонапарт, видя шаткость власти Директории, подумывал о том, чтобы ее сменить, но тогда не представился подходящий случай. Таким образом, продолжает автор, 18 брюмера нельзя рассматривать как спонтанную авантюру, поскольку перевороту предшествовало продуманное политическое решение.

Тем не менее автору вовсе не чужда идея, не раз высказывавшаяся современниками и историками Наполеона, о колоссальной роли случая во всей "наполеоновской эпопее" включая и переворот 18 брюмера. В частности, возвращение (именно этому слову отдает предпочтение Гениффе перед более распространенным в литературе словом "бегство") Бонапарта из Египта целиком базируется на случайности. Не будь доброй воли английского правительства, блокировавшего берега Египта и предпочитавшего видеть французов подальше от зоны своих интересов в Африке, отъезд генерала не состоялся бы. Не меньшую значимость придает автор и победе французской армии при Абукире 25 июля 1799 г. Она, по мнению историка, должна была либо обеспечить триумф Бонапарта, либо привести его к поражению. Ведь только победа позволяла Бонапарту возвратиться во Францию в ореоле победителя, которому, как известно, многое может проститься. Таким образом, "второстепенная дата в истории Франции стала наиважнейшей в истории Наполеона".

В главе "Возвращение из Египта", наверное, наиболее сильно ощущается симпатия Гениффе к своему герою. Вопреки мнению большинства историков, он не осуждает поведение Наполеона по отношению к оставленной им в Египте армии, а напротив, всячески поддерживает данную меру как единственную возможность спасти армию, которую Директория мечтала "запереть в восточной тюрьме" вместе с честолюбивым генералом.

Главы VII–X посвящены собственно "заговору" 18 брюмера. Гениффе тщательно анализирует состав заговорщиков, их договоренности, планы каждого из них, попытки исполь-

зовать других, не дав им при этом использовать себя. Эта реконструкция дает понять, что не Бонапарт стоял у истоков переворота, а один из директоров аббат Сийес, решивший произвести смену правительства и искавший лишь "шпагу", с помощью которой он мог бы осуществить свой план. Первым кандидатом на эту роль был избран генерал Жубер, однако гибель в битве при Нови помешала "операции". Положение спас вернувшийся из Египта Бонапарт, и выбор Сийеса был предрешен.

Гениффе определяет целый ряд факторов, приведших к необходимости насильственной смены правительства: слабость Директории, ее непопулярность и ненависть пяти директоров друг к другу, раскол Франции на республиканский и монархистский лагеря, честолюбие и жажда власти таких деятелей, как Сийес, Талейран, Бонапарт, Баррас. Ситуация во Франции осенью 1799 г., пишет автор, напоминала всеобщее "спасайся кто может!", когда одновременно готовилось несколько государственных переворотов – Сийеса, Барраса и генерала Журдана, – и появившийся после более чем годового отсутствия Бонапарт сумел ловко воспользоваться предоставленным ему случаем. Его козырной картой стало необычное решение казавшейся уже решенной проблемы: следуя всеобщему убеждению, что реставрация монархии во Франции неизбежна в силу исторической традиции, он не стал размышлять, подобно Баррасу, как с выгодой для себя пригласить на престол Бурбонов, став, таким образом, очередным Монком, а просто-напросто "пригласил" на престол самого себя.

Подобный переворот невозможен был без помощи армии. Армия подчинялась лишь своим генералам, которые никогда не были бы приняты общественностью в качестве легитимных правителей. И тут положение Бонапарта оказалось совершенно уникальным: еще с итальянской кампании он завоевал себе славу "гражданского" генерала, выгодно отличавшегося от своих коллег в глазах мирного населения и совершенно не испортившего себе репутацию в среде военных. Кроме того, он не переставал подчеркивать свою симпатию по отношению к представительному правлению и ненависть к военной диктатуре. И, наконец, безусловным преимуществом Бонапарта, по мнению историка, являлся тот факт, что он не принадлежал ни к какой "партии" и не занимал официальных постов, являясь нейтральной фигурой в политической иг-

ре, что снимало с него груз ответственности за "ошибки прошлого".

Главной проблемой, стоявшей перед генералом, была, согласно Гениффе, проблема этическая. Как преступить закон, совершить насилие над конституцией, оставаясь при этом в рамках легитимности? Извечная проблема смены правительства! Но тут на помощь будущему императору французов пришла та самая революция, закончить которую он так стремился. Разве не в революционной традиции было изменение конституции и свержение исполнительной власти в тот момент, когда ни конституция, ни власть не отвечают интересам нации?! Таким образом, отмечает Гениффе, переворот 18 брюмера прекрасно вписывался в ход самой Французской революции. Во всяком случае, в том, что касалось его внешней стороны.

Что до стороны оборотной, то здесь автор выдвигает принципиально новую мысль. Дни 18–19 брюмера, пишет он, отмечены не одним государственным переворотом, а двумя. Первый – переворот, совершенный Бонапартом и аббатом Сийесом против Директории, второй – переворот, совершенный Бонапартом против Сийеса, полностью отстраненного от власти сразу же после захвата власти Бонапартом.

В главе "Конец игры", где подробно разбирается второй и решающий день переворота, 19 брюмера, Гениффе развенчивает два историографических мифа. Первый – о том, что младший брат Наполеона Люсьен, председатель Совета пятисот, спас генерала от объявления вне закона, грозившее не только провалом всего предприятия, но и казнью самого Бонапарта. Роль Люсьена не столь велика, пишет французский историк, дело решили войска, ворвавшиеся в Оранжерею дворца в Сен-Клу, куда накануне перебрался законодательный корпус. И здесь возникает второй миф, также развенчанный в монографии – о том, что члены Совета пятисот в панике выпрыгивали из окон Оранжереи, спасаясь от подчиненных Мюрата. В реальности же, пишет автор, депутаты, увидев ворвавшихся солдат и поняв, что дело все равно проиграно, просто вышли через окна-двери зала Оранжереи, не говоря ни слова.

Именно 19 брюмера решило исход заговора. И если то, что произошло 18-го, было продумано заранее, второй день переворота был чистой импровизацией, когда до последнего не было ясно, кто же все-таки – заговорщики

или законные власти – одержит победу. Да и сама победа Бонапарта была одержана лишь наполовину: ему удалось взять власть, но представить ее как легитимно полученную из рук законодательных органов, Совета старейшин и Совета пятисот, не получилось: насилие, совершенное над конституцией и законными властями, было слишком очевидно.

Последние две главы монографии посвящены созданию нового режима на обломках Республики, завершившего Французскую революцию, будоражившую страну на протяжении десяти лет. Режим консульства, созданный в VIII г., Гениффе определяет как монархию, даже диктатуру, поскольку Бонапарт обладал куда большими полномочиями, чем король, и отличался от монарха лишь тем, что его власть не имела наследственного характера. А затем, отчасти противореча самому себе, автор переходит к доказательствам демократичности правления Наполеона в 1799, 1802 и 1804 гг., главным из которых считает референдумы, где будущий император неизменно получал подавляющее большинство голосов. На мой взгляд, подобная аргументация несколько проигрывает по сравнению с целым рядом доказательств противоположного, в частности, полного уничтожения какого-либо плюрализма политических партий и общественного мнения как такового.

Итак, заключает автор, Революция завершена. Но чтобы действительно закончить ее, одного провозглашения окончания последней недостаточно. Необходим был целый ряд мер – реставрация государства, консолидация правительства, создание администрации, установление порядка в стране, возрождение общества, возвращение религии, преодоление идей и воспоминаний, которые десятилетие гражданской войны посеяло в умах. Именно это и было программой Наполеона. Далеко не все его обещания были выполнены. Главное из них – обещание мира – так и осталось нереализованным.

Одной из основных идей в книге является мысль о том, что Консульство и Империя основывались исключительно на чрезвычайных обстоятельствах – европейская война и Французская революция, – и оба режима были сильны этими обстоятельствами. Как только обстоятельства изменяются, режимы теряют свою легитимность. Вот почему, подчеркивает автор, правление Наполеона всегда носило (если не в его глазах, то в глазах общества)

временный характер, и вот почему наследственность его власти всегда была спорным вопросом для мыслящих людей Франции.

Сравнивая в эпилоге государственные перевороты, имевшие место во французской истории, автор приходит к выводу, что ближе всего к событиям 18–19 брюмера стоит не переворот Луи Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 г., как это принято считать в литературе, а переворот, совершенный Шарлем де Голлем 13–15 мая 1958 г. И это несмотря на то, что именно после декабрьских событий 1851 г. события 18–19 брюмера стали именоваться государственным переворотом, а не революцией, как называли их современники.

Написанная живым языком с привлечением огромного количества литературы по истории самого переворота, Директории, Консульства, а также биографий всех его участников, книга П. Гениффе сразу же вошла в число ведущих работ по истории правления Наполеона.

Однако в монографии совсем не использованы архивные документы, а многие цитаты на источники (переписку и воспоминания современников событий) даны опосредованно, через другие монографии, что досадно для такого монументального и богатого аналитическими рассуждениями труда.

Не всегда можно согласиться с интерпретацией событий революции, в частности, с утверждением, что эпоха Великого террора

(период между казнями Дантона и Робеспьера) имеет все признаки возвращения во Францию монарха в лице Неподкупного. На мой взгляд, такого рода утверждения нуждаются в более серьезной аргументации, чем слова термидорианцев, заинтересованных в очернении свергнутого ими соперника.

Эти замечания ни в коем случае не умаляют значимости монографии П. Гениффе, являющейся своего рода предтечей большой биографии Наполеона, над которой он работает уже несколько лет.

Тщательный и разносторонний анализ событий, пересмотр историографических мифов и клише, смелость гипотез и широкая библиографическая база являются безусловными достоинствами данной работы, которая представляет интерес не только для французских, но и для русских читателей, затрагивая такие проблемы как механизм насильственного захвата власти, легитимность правления, не говоря уже о том, что фигура Наполеона Бонапарта сама по себе является гарантией интереса к этой книге. Остается лишь выразить надежду увидеть ее русский перевод в ближайшем будущем.

Е.В. Смирнова,
кандидат исторических наук,
докторант Высшей школы
социальных наук (Париж)

C. Korolevskij. KNIGA BYTIJA MOEGO (LE LIVRE DE MA VIE). MEMOIRES AUTOBIOGRAPHIQUES. Cité du Vatican: Archives Secrètes Vaticanes, 2007, t. 1, 546 p.; t. 2, 772 p.; t. 3, 1237 p.; t. 4, 1273–2305 p.; t. 5, 640 p.

К. Королевский. КНИГА БЫТИЯ МОЕГО. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. Ватикан, 2007, т. 1, 546 с.; т. 2, 772 с.; т. 3, 1273 с.; т. 4, 1273–2305 с.; т. 5, 640 с.

"Книга бытия моего" – латинская транскрипция названия, хорошо знакомого всем, кто интересуется историей церкви и христианского Востока, конечно же, сразу бросится в глаза читателю, взявшему в руки это издание. Именно так, копируя латиницей титул знаменитого многотомного труда – дневниковых записей путешественника и паломника, исследователя христианского Востока Порфирия (Успенского), епископа Чигиринского, назвал

свою автобиографию Кирилл Королевский (т. 1, р. 1). Почитатель владыки Порфирия, Жан Франсуа Жозеф Шарон (1878–1959), больше известный под именем отца Кирилла Королевского, родился во Франции и еще совсем молодым человеком оказался увлечен восточным христианством. То, что Кирилл Королевский назвал в своей автобиографии "обращением", произошло с ним в Париже, в мельхитской церкви св. Юлиана: юноша не только стал